

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 9

В.Н. Клементьев

**ИСТОКИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЧУВАШСКОГО НАРОДА**

**ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2012 год

Чебоксары – 2012

УДК 94(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)
К 48

Научный редактор *Г.А. Николаев*

Клементьев В.Н.

Истоки государственности чувашского народа: исторические и социокультурные предпосылки / науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары, 2012. — 40 с. — (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 9).

В работе рассматриваются предпосылки, факторы, условия и движущие силы национального самоопределения чувашей на протяжении второй половины XVI в. — 1905—1907 гг.

© В.Н. Клементьев, 2012
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2012

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной историографии история государственности чувашского народа является вполне сложившейся темой. В ее изучении поставлены и разрешены, прежде всего, вопросы формирования советской национальной государственности чувашей. Вместе с тем в незначительной мере рассмотрена проблема истоков чувашского советского национально-государственного образования — факторы, условия и движущие силы национального самоопределения чувашей в дореволюционный период. В трудах советских историков такая проблема не ставилась, ибо ими отрицалась взаимосвязь между национальным движением этноса до 1917 г. и становлением чувашской национальной государственности в послеоктябрьский период. Лишь в постсоветский период исследователи, анализируя процесс создания Чувашской автономии, стали показывать его преемственность с дореволюционным этапом истории этноса. Однако при этом они не выходили за временные рамки рубежа XIX—XX вв. и не рассматривали весь комплекс факторов и условий развития национального движения чувашского народа. Как правило, внимание обращалось на элементы идейного генезиса, в частности на просветительство, а также на национально-освободительную борьбу, вызванную Первой русской (1905—1907) и Февральской буржуазно-демократической революциями (1917 г.).

Вопрос о предпосылках национальных движений этносов в Среднем Поволжье первым поднял известный швейцарский историк А. Каппелер¹. Он схематично, в основном в хронологии конца XIX — начала XX в., охарактеризовал социальные, культурные, политические факторы национального движения народов региона, в том числе и чувашей. Задача настоящего доклада — рассмотреть условия, факторы и предпосылки, определившие тренд национальной эмансипации чувашей на протяжении второй половины XVI в. — 1905—1907 гг. Нижний хронологический рубеж определяется вхождением чувашского народа в состав Московского государства, верхний связан с Первой русской революцией, заложившей организационные основы и идеологию национального движения чувашского народа.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЧУВАШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Возникновение Чувашской автономии явилось результатом длительного развития и взаимодействия многих процессов — этнических, социально-экономических, культурных и национально-политических. Пройдя через этапы этнической эволюции и территориальных перемещений, предки современных чувашей, болгары и сувары, в Среднем Поволжье в конце IX в. основали свое государство — Волжскую Болгарию. Но в начале XIII в. она была разгромлена монголо-татарами и исчезла с политической карты Европы.

И в Золотой Орде, и в Казанском ханстве, выделившемся из нее в 1438 г., болгары-чувашаи, составлявшие угнетаемые массы ясачных людей, подвергались разным формам дискриминации. К началу XVI в. в результате сложных этноконсолидационных и миграционных процессов в междуречье Аниша, Кубни и Свияги сформировалось ядро общности, имеющее все необходимые признаки самостоятельной и внутренне консолидированной этнической группы — народности с этнонимом *ч'ваш* (чуваш). Её основой послужило не принявшее ислам и отпавшее от него болгаро-суварское земледельческое население, вобравшее в себя некоторое количество марийцев². С завершением в XVII в. ассимиляции татарами чувашей Приказанья и Заказанья для обосновавшейся компактно в междуречье Волги, Суры и Свияги части этнической общности данная территория превращается в основной ареал обитания, который со временем стал признаваться «исторической» родиной чувашского народа³.

Вхождение в 1551 г. чувашей в состав Московского государства имело двоякие историко-политические, культурные, этногеографические и этнодемографические последствия. С одной стороны, с учетом последовавшего обращения чувашей в православие и их инкорпорации в Русское государство, народ был избавлен от исламизации и, как следствие, реальной перспективы своего исчезновения. Чувашаи в составе огромной державы получили возможность для расширения территории обитания, в том числе и путем расселения на ранее оставленных их предками землях в Средневолжском регионе⁴. С другой

стороны, принудительная христианизация, искоренение традиционного религиозного мировоззрения, а также иные цивилизационные ориентиры — усиление воздействия на чувашей славяно-христианского культурного мира — оказали стрессовое, кризисное влияние на судьбу этноса: затормозили формирование национального самосознания, сломали исторически сложившиеся миропонимание и мировоззрение.

Отрезок времени со второй половины XVI по XVII в. характеризовался включением Среднего Поволжья в экономическую, политическую и социальную структуру Московского государства. Господствующее положение в региональном управлении стала занимать русская военная и гражданская администрация, но потребность в тесных повседневных контактах с коренными жителями обусловила необходимость привлечения в нижнее звено управления представителей местного населения. По установившейся ещё в Казанском ханстве системе, волостными сотниками назначались представители чувашской феодальной прослойки (до середины XVII в.), во главе отдельных деревень или групп селений ставились выборные старосты из ясачных крестьян⁵.

Если в административном устройстве Чувашского края как общая закономерность действовала тенденция централизации и политической интеграции, то в системе этносоциальных отношений переплелись дискриминация и представление различных льгот населению, которые вплоть до XVIII в. в какой-то мере уравнивали друг друга. Жизненный уклад и внутриобщинные связи у чувашей оставались практически в неприкосновенности. По отношению к ним властью проводилась политика веротерпимости и осторожного миссионерства. Чувашские ясачные крестьяне оставались лично свободными. Вместе с тем осуществлялась сегрегация нерусского населения. В XVII в. московское правительство видело в народах Среднего Поволжья отличный от русских компонент, что отразилось в применении коллективного понятия для нерусских нехристианских подданных — «иноземцы»⁶.

Национальная политика московских царей, исходящая из интересов военной безопасности и фискальных целей, отличалась прагматизмом, гибкостью и терпимостью. Центральная власть все время подчеркивала, что администрация на местах должна обращаться с подвластными «иноверцами» «с лас-

кою и приветом»⁷. Но присоединенные народы владычество России рассматривали как насильственное господство чужаков, стремящихся навязать им свои административные и социальные порядки, а в более отдаленной перспективе – свою веру и культуру. Как следствие, на протяжении всего XVII столетия в Среднем Поволжье имели место восстания татарских, марийских, мордовских, удмуртских и чувашских крестьян, являвшиеся лишь высшей ступенью в целой шкале различных форм сопротивления российскому господству, центральной власти. Однако, по мнению А. Каппелера и В.В. Трепавлова, включенные в состав России народы Среднего Поволжья стремились в этот период не к независимости, а к сохранению гарантированных им Московией прав и привилегий⁸.

В XVIII в. Русское государство перешло к генеральному наступлению на особое положение нерусского населения Среднего Поволжья. Петр I ликвидировал сословие служилых чувашей, чувашских сотных и десятных князьков и тарханов: они были переведены в разряд государственных крестьян. В 20-х гг. XVIII в. разряд государственных крестьян пополнили и ясачные чуваша. Одновременно петровское государство завершило административную инкорпорацию Среднего Поволжья: унифицировало юридический статус региона с другими территориями, установило единый стандарт подданства и управления. Уже во второй половине XVII в. в чувашских селениях региона установилась в целом такая же система должностных лиц, какая существовала в русских селениях. В XVIII в. сфера действия обычного права в чувашских деревнях все более сужалась⁹.

Проявлением политики «имперского поглощения» региона стала массовая насильственная христианизация чувашей. Со времен Ивана IV московское правительство в религиозном вопросе придерживалось политики осторожного миссионерства. С реформ Петра I начался новый этап религиозной политики государства: православие теперь стало рассматриваться как стержневая основа этноконфессиональной интеграции российских народов в контексте «один царь и один Бог»¹⁰. Указ от 11 сентября 1740 г. дал импульс фронтальному наступлению на систему традиционных религиозных ценностей народов Поволжья. Несмотря на протесты населения, принудитель-

ное крещение не только не было приостановлено, но и усилено. И уже в 1750 г. основная масса чувашей была христианизирована¹¹. Путем крещения государственная власть пыталась поставить под свой контроль не затронутую прежде сферу представлений о ценностях, добиться полной этнокультурной интеграции чувашей. Но энергичная политика христианизации не привела к ожидаемым результатам. Социально-культурный облик чувашей после крещения почти не изменился. Внутренняя приверженность к «старой» вере, унаследованные социальные отношения и язык продолжали интегрировать общность, составляя тем самым существенный фактор его этнической идентичности и сдерживая процесс его аккультурации.

Агрессивное вмешательство имперского государства в исторически сложившиеся социально-культурные структуры и ценности пробудили мощные силы сопротивления. Низшей его формой стали многочисленные прошения и жалобы чувашских крестьян. В них отразилось стремление социума сохранить национальную и религиозную особенности, защитить принадлежавшие ему земельные и лесные угодья, остатки особого социального положения, религиозные ценности, а также выразался протест против обременительных повинностей и массовых злоупотреблений русской администрации. Другой формой социального протеста стал массовый отказ платить налоги и нести повинности, в том числе путем бегства семьями и целыми селениями в южные и юго-восточные окраины государства. Проводимая имперская политика и насильственная христианизация вызвали крупнейшее восстание под предводительством Е.И. Пугачёва. Так, летом 1774 г. в Чувашском крае от рук повстанцев только представителей духовенства погибло 119 чел. из 177 уничтоженных по всей России¹².

Столкнувшись с серьезной угрозой политической и социальной нестабильности и не добившись культурной интеграции народов Поволжья путем христианизации и социального выравнивания, имперская власть в лице Екатерины II предпочла перейти к более гибкой политике по отношению к «иностранцам»: «воинствующее никонианство заменили терпеливым миссионерским трудом»; провели губернскую реформу, которая привела к определенной децентрализации¹³.

Под влиянием идей Просвещения в XVIII в. начали намечаться позитивные явления в культурной жизни чувашско-

го народа, которая законсервировалась на уровне XIV–XVI вв. Знаменательным событием для неё стало обучение детей народов Поволжья русской грамоте, связанное с распространением христианства. Обучение в учебных заведениях велось на русском и церковнославянском языках, а учащиеся получали лишь элементарные знания. Однако этим было положено начало постепенному формированию грамотной прослойки чувашей.

Курс Екатерины II продолжался и в первой четверти XIX в. В начале указанного столетия усилилась тенденция оказывать влияние на народы Поволжья с помощью просвещения через школы и переводы религиозной литературы. С задачами православного миссионерского просвещения чувашей связано появление книг на чувашском языке. Нижегородская переводческая школа, основанная Е. Рожанским в конце XVIII в. и развивавшаяся его последователями Г. Рожанским и И. Русановским, способствовала созданию переводческого дела, закладывала основы формирования чувашского литературного языка¹⁴. Выпуск незначительного количества чувашских книг на базе русской графики имел известное культурно-историческое значение в том отношении, что положило начало развитию чувашской письменности. С деятельностью протоиерея В.П. Вишневого связаны работа по созданию грамматики и словаря чувашского языка и окончательное утверждение диалектной основы и норм литературного языка с определенной традицией правописания¹⁵.

Церковная литература и распространение русско-христианского просвещения, хотя и оказали определенное влияние на создание чувашской письменности, на развитие интереса общественности к истории, культуре, языку чувашей, в целом имели очень скромные результаты: практически не повлияли на повышение культурного уровня основной массы чувашского населения, не затронули глубинных пластов духовной жизни народа и не сформировали новой национальной элиты. Те немногие «инородцы», которые научились читать и писать по-русски, становились священниками, чиновниками низшего звена управления. Однако русское образование отрывало их от своих соотечественников, они теряли связь с родной средой, быстро русифицировались в «восходящей ассимиляции»¹⁶.

Либеральная религиозная и культурная политика первой четверти XIX в. не сопровождалась аналогичными действиями в сфере политико-административных отношений. Чувашское население продолжало подвергаться дискриминации со стороны органов власти по мотивам национально-религиозной принадлежности. Другими конфликтообразующими факторами оставались старые тяжбы в землевладении и землепользовании с русским дворянством и купечеством, произвол и коррупция местных чиновников.

Если при Павле I и Александре I превалировала политика сохранения социального статус-кво и веротерпимости, то во второй четверти XIX в. вновь проявила себя тенденция активного вмешательства государства в сферу традиционных социальных отношений и верований волжских народов. Реформа управления государственными крестьянами, проведенная в 1837–1841 гг. министром государственных имуществ П.Д. Киселевым, вызвала резкое её неприятие со стороны чувашского крестьянства, которое усмотрело в ней посягательство на свою социально-правовую автономию. В результате в 1842 г. произошло самое крупное в XIX в. выступление чувашских, а также марийских крестьян, вошедшее в историю под названием «Акрамовская война» (*Шурча вӑрси*)¹⁷. Новации Киселева, как и изменение статуса части государственных крестьян по указу от 25 января 1835 г., не улучшили реальное социальное положение чувашского населения, только еще более усилили государственный контроль над ними.

Начиная с 20-х гг. XIX в. после периода относительной религиозной терпимости в Среднем Поволжье началось новое наступление православия на традиционные верования «иностранцев». Оно было вызвано массовым движением последних за возврат к вере предков. В движении «отпадения» проявлялся, вне сомнения, и национальный протест, который под лозунгом «назад, к старой вере» был направлен против наступлений государства на их последние особые права, против вмешательства в их духовную и культурную сферы жизни, которые практически не контролировались органами власти, и вообще против любых изменений их статус-кво¹⁸.

Религиозная политика государства в XVIII–XIX вв., направленная на утверждение православия как стержневой основы этноконфессиональной интеграции народов Поволжья, в ко-

нечном итоге принесла свои результаты. Во второй половине XIX в. произошло окончательное закрепление православия в чувашской среде. По данным переписи 1897 г., в Казанской и Симбирской губерниях 98,9% чувашей являлись христианами¹⁹. Стали ощущаться положительные для чувашей моменты принятия христианской религии. Принадлежность к христианству означала социально-правовое уравнивание чувашей с русскими. Кроме того, они приобщились к великой религиозной, мировоззренческой и культурной традиции²⁰. С переходом в православие чувашаи этнически дифференцируют себя уже не посредством веры, а языка, бытовых и этнографических особенностей, которые в национальном самосознании народа выходят на первый план в качестве этнодифференцирующих признаков²¹.

В первой половине XIX в. в идеологии и общественно-политической жизни России особое влияние приобретали категории национального мышления. Царское правительство в духе теории «официальной народности» большое значение придавало этническим и расовым различиям. Дальнейшую перспективу развития национальностей Поволжья многие современники видели в том, что не только мордва, но и марийцы, удмурты и чувашаи «близки к своему закату и своему растворению в других национальностях, особенно в русской»²².

Несмотря на пессимистические прогнозы в отношении будущего народов Поволжья, ассимиляционного давления господствующей нации, связанного с политико-административной интеграцией, христианизацией, явлениями трансформаций социально-экономических структур, демографическими перемещениями, межэтническими контактами, чувашаи сохранили свою этническую самобытность, социальный и культурный герметизм и традиционализм. Среди главных причин поразительной этнической сопротивляемости чувашей нужно назвать, прежде всего, незначительное цивилизаторское превосходство русских: российская социально-политическая система с крепостным правом, произволом администрации и экономическим застоём была для них малопривлекательной, как и система христианства. Другая причина — политика правительства, которое, за исключением короткого периода (первая половина XVIII в.), не предпринимало никаких серьезных усилий для ассимиляции «иностранцев»²³. Еще один фактор: чу-

ваши жили почти исключительно в сельской местности, в замкнутых деревенских патриархальных сообществах, и после обращения в христианство чувашский языческий мир, хотя и существенно деформировался, но сохранился как этнокультурная целостность, которая играла важную роль в мировоззрении, ценностных ориентациях и социальных отношениях этноса²⁴.

И наконец, высокая степень этнической резистентности чувашей определялась тем, что им удалось сохранить за собой этнически замкнутую территорию, на которой они составляли преобладающее большинство населения.

Преобразования Александра II и связанные с ними социально-экономические, политические и духовные изменения послужили началом новой эпохи в истории народов Среднего Поволжья. Крестьянская реформа 1860-х гг. унифицировала и уравнивала все категории крестьян юридически и социально. Для чувашей это означало завершение трехсотлетнего процесса социальной интеграции. Возникновение очагов индустрии, развитие торговли в национальных районах Среднего Поволжья способствовали усилению коммуникативных взаимосвязей, эрозии замкнутости и традиционного уклада, росту мобильности населения, в том числе этнической, развитию школьного образования и грамотности и т.д. Вместе с тем не следует преувеличивать степень интенсивности и глубины названных процессов. По данным Всероссийской переписи 1897 г., в губерниях Среднего Поволжья и Приуралья к сословию крестьян принадлежали 99,95% чувашей. Сельское хозяйство, основанное на неразвитой агротехнике, продолжало оставаться основным занятием абсолютного большинства чувашского этноса: в 1897 г. в Среднем Поволжье в этой отрасли работало 98,25% чувашей²⁵. Таким образом, модернизация с трудом проникала в хозяйственные и общественные отношения чувашского населения. Оно было малоподвижным и в большинстве своем не стремилось к изменению социального статуса. Деревня продолжала оставаться базой для воспроизводства чувашского этноса — этничность репродуцировалась в крестьянском сообществе самой повседневностью. Глубинные архетипические стороны национальной культуры не подверглись во второй половине XIX в. значительной трансформации и отличались устойчивостью. И это вкпе с замкнутостью и патриар-

хальностью чувашской сельской общины создавало социальное пространство для национального движения, которое «втягивало в свой водоворот и крестьянское население»²⁶.

Помимо социально-экономических факторов, существенной предпосылкой национальной мобилизации чувашского этноса в пореформенный период стало развитие национального образования. 26 марта 1870 г. были приняты особые правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», которые узаконили для нерусских детей первоначальное обучение на родном языке. Они также стимулировали подготовку национальных педагогических кадров и развитие сети учебных заведений. К 1911 г. в Поволжье и Приуралье числилось уже 926 чувашских школ²⁷. На территории современной Чувашии в сельской местности насчитывалось 670 начальных учебных заведений, в них обучалось более 32 тыс. учащихся²⁸. В 1914 г. в чувашских уездах учителей насчитывалось 871 чел., три четверти из них были чувашами²⁹.

В XIX в. стратегические цели центрального правительства по социально-политической, хозяйственно-экономической и до некоторой степени культурно-идеологической интеграции Среднего Поволжья в составе России были достигнуты. Однако устойчиво сохранялись национально-культурные отличия, традиционализм социальных структур и жизни, а значит, этническое своеобразие народов региона, в том числе и чувашского.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И ИДЕОЛОГИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Социально-политические и экономические сдвиги, происходившие во второй половине XIX в., не могли не найти отражение в области общественного сознания. В рассматриваемый период у чувашей, как и у других народов Поволжья, возникает такое явление, как национальное просветительство. У истоков их национального просветительства стояла плеяда мыслителей второй половины XVIII – первой половины XIX в.: Вениамин (В.Г. Пуцек-Григорович), Дамаскин (Д.С. Руднев), Е.И. Рожанский, П.И. Талиев, А.М. Алмазов, В.П. Вишнев-

ский. Деятельность и кредо этих людей объединялись идеей христианского миссионерства, которое на определенном историческом этапе имело монополию на просвещение и образование чувашского народа, стало каналом его приобщения к достижениям мировой культуры и повышения статуса этноса. Христианские миссионеры вносили книжную культуру в среду населения, своим трудом способствовали накоплению в чувашском социуме позитивных представлений о значении национального языка и просвещения. Если первая фаза просветительства чувашей была связана с распространением общей грамотности, переводами вероучительной литературы на чувашский язык, попытками разработать учебную литературу, то его второй этап характеризуется секуляризацией интересов и мышления просветителей, созданием просветительской программы. Во второй половине XIX в. чувашское просветительство становится самостоятельным явлением. Развитие литературного языка, исследование истории, этнографии, фольклора чувашского народа выходят за рамки миссионерских задач. Важнейшее влияние на становление национального просветительства на этом этапе оказала деятельность российских писателей и ученых по защите национального достоинства, исследованию культуры чувашей – А.И. Герцена, Н.Г. Гарина-Михайловского, В.В. Берви-Флеровского, В.А. Сбоева, А.А. Фукс.

В числе представителей русской общественности, посвятивших себя делу просвещения и изучения жизни народов Поволжья, в том числе и чувашей, особенно выделялись педагоги и исследователи Н.И. Ильминский, Н.И. Золотницкий, В.К. Магницкий, Н.И. Ашмарин. Своей деятельностью они продуцировали идеи и действия, определившие главные направления и узловые точки развития национального просветительства чувашского народа: общекультурный, связанный с развитием письменности и литературного языка, национальных отраслей знаний; общественно-педагогический, обеспечивающий механизм реализации социокультурного возрождения через развитие школьного образования чувашей. Они также подготовили культурное и социальное пространство для деятельности своих преемников – чувашских просветителей. Их труд на ниве просвещения и в изучении культуры чувашей стал первотолчком стремлений национальной интеллигенции (С.М. Михайлов, И.Я. Яковлев, Н.В. Никольский, И.Н. Юр-

кин и др.) изучать, сохранять и популяризировать духовную и материальную культуру, расширять и совершенствовать народное образование чувашского этноса, приобщать его к передовым достижениям российской и мировой культуры.

Первым литератором, этнографом, историком из чувашей, пионером чувашского просветительства, предвосхитившим И.Я. Яковлева, стал С.М. Михайлов (Яндуш). Как просветитель, он проявил себя в литературном творчестве и исследовательской деятельности, которые имели ряд аспектов: публицистика, историко-этнографические исследования, сбор и обработка образцов устно-поэтического народного творчества, создание собственных оригинальных художественных произведений. Просветительский дух в них выразился в поисках восстановления объективной истории чувашского народа; в стремлении к просвещению родного народа и избавлению его от невежества, суеверия; в изъявлении глубокого уважения и любви к родному народу, защите и возвеличиванию народной духовной культуры и полемике с теми, кто ущемлял его достоинство; в защите писателем народных общественных и социальных интересов³⁰.

Социально-политические взгляды С.М. Михайлова наиболее ярко представлены в его труде «Отчего чувашаи давятяся и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления» (1856 г.), в котором он излагает свои суждения о том, как местные власти должны поступать в отношении «инородцев». В первом идеологическом блоке рекомендаций автор предлагает меры, среди которых — пропаганда христианских догматов на родном языке, искоренение суеверий и язычества, формирование правосознания нерусского населения, развитие и улучшение постановки школьного образования «инородческих» детей. Во втором политическом блоке предложений С.М. Михайлов выдвинул десять мер по установлению справедливого управления чувашским населением: в волостную и сельскую администрации следует выдвигать людей «с хорошими качествами, а не с испорченной нравственностью, какие большею частию ныне занимают эти должности»; жалобы и заявления в сельские и волостные управления должны рассматриваться и решаться по закону; чиновникам нужно обращаться с «инородцами» благоразумно, поставив себя примером; стремиться установить «добрые нравы»

и принципы справедливости и морали в их среде; способствовать подъему хозяйства, ремесел, развитию образования и законопослушания, религиозных начал и медицины, искоренению бедности и явления суицида среди чувашей³¹.

Выдвинутые С.М. Михайловым социально-политические идеи свидетельствовали о просветительском характере его мировоззрения. И хотя в них еще не сформулирована программа национального возрождения и общенациональная идея, однако его призывы в защиту прав чувашского народа, за искоренение невежества, передачу управления чувашами самим образованным чувашам, разработка специальных правил для управления чувашами говорят о том, что он приблизился к пониманию гражданственности чувашского народа.

Научно-литературная деятельность С.М. Михайлова была многогранной, он оставил родному народу замечательные сочинения, которые являются «выражением духа народного»³². Следуя в русле основного направления прогрессивных идейных движений и научной мысли своего времени, он утвердил идею народности в формирующейся общественной мысли чувашей, искал ключ к познанию своего народа в его истории, этнографии, быте и фольклоре. Он первым из чувашей взял на себя миссию исследователя родного народа в том широком плане, в каком это делалось русской наукой о русском народе, причем сделал это «с европейским взглядом на вещи»³³.

Размышляя над судьбой чувашского этноса, историческую перспективу С.М. Михайлов видел, с одной стороны, в сохранении его национального своеобразия, а с другой — в едином «русско-православном государстве». Такой подход проистекал из того, что, называя себя «обрусевшим инородцем-писателем», по своим убеждениям и практическим действиям С.М. Михайлов не был насильником-русификатором; он открыл новое направление в просветительстве, предвосхитившее в какой-то мере программу поволжских шестидесятников, основанную на отказе школы и церкви от методов принуждения в социокультурной интеграции нерусских народов, на заботе об их просвещении с учетом национальной самобытности. Прогрессивное развитие чувашского народа С.М. Михайлов усматривал в утверждении социальной справедливости, которая, по его мнению, должна твориться честным служением «царевых слуг» на местах, в духовно-просветительс-

кой миссии православной церкви путем проповеди христианства на родном языке и искоренения языческих суеверий, во всестороннем просвещении чувашского народа.

Во всей полноте и наиболее ярко черты чувашского просветительства раскрылись в общественно-педагогической и научно-литературной деятельности И.Я. Яковлева. Как национальному просветителю (национальный общественный деятель, распространитель передовых идей, культуры, знаний), ему удалось обобщить и сконцентрировать философские, социальные, культурологические, образовательно-воспитательные, духовно-религиозные проблемы, потребности и интересы своего народа, сформулировать и предъявить общественному мнению программу духовного национального возрождения чувашей. И этим он сыграл огромную историческую роль в утверждении этнической идентичности чувашского народа.

Данный аспект феномена национального просветительства И.Я. Яковлева достаточно целенаправленно начал осмысливаться главным образом в постперестроечный период, на рубеже XX–XXI вв. В современной литературе в оценке чувашского просветителя высказываются две точки зрения: 1) И.Я. Яковлев — теоретик и практик слияния чувашей с русским народом на основе усвоения христианских идеалов, что «с точки зрения чувашского национализма может быть и должно быть оспорено»³⁴; 2) И.Я. Яковлев — спаситель чувашской нации, носитель национально-патриотической идеи, ревностный последователь национального подъема родного народа³⁵.

Объективной основой для столь диаметрально противоположных суждений о сути подвижничества И.Я. Яковлева является противоречивость его мировоззрения как христианского миссионера-просветителя, с одной стороны, а с другой — реального содержания и результатов его просветительской деятельности. Предъявив программу национального культурного и духовного возрождения этноса, где ориентиром являлось приобщение чувашей к современной цивилизации, моделью которой служили русская культура и образованность, Яковлев сумел преодолеть конфессиональную ограниченность целей просветительского миссионерства. Он возглавил процесс выхода соплеменников из этнокультурной изоляции, определил новый вектор культурного развития этноса — не на вне-

шнюю русификацию, а на внутреннюю консолидацию национальных сил. Исследователи отмечают, что яковлевские нововведения, «безусловно, способствовали завершению консолидации чувашской нации», формированию национального самосознания³⁶ и серьезно повлияли на менталитет и «духовную субстанцию чувашского народа». С их претворением в жизнь происходит качественное изменение национальной духовной жизни чувашского народа: она преодолевает свой этнокультурный «герметизм», в ней усиливаются «европоцентристские тенденции»³⁷.

Авторитет, масштаб и влияние личности национального просветителя были общепризнанными. Потому так велико число продолжателей его дела. Конец XIX — начало XX в. ознаменовались выдвиганием целой плеяды чувашских национальных деятелей (литераторов, исследователей национальной культуры, этнографии и истории, педагогов и священнослужителей), чья мысль и творчество развивались преимущественно в просветительском русле. Задачи, которые они ставили перед собой, были просты и демократичны: эти люди были исполнены подвижническим желанием искоренить неграмотность и невежество, поднять культуру, изучить историю, язык, собрать фольклор родного народа. В условиях неразвитой общенациональной и общественной жизни чувашского народа эти устремления не только создавали базу для развития национального самосознания, но и имели демократическую общественно-политическую направленность.

Важной особенностью чувашского просветительского движения начала XX в. стало расширение его географии. Наряду с Симбирском — главным центром и средоточием национального интеллектуально-творческого потенциала, энтузиасты чувашского просвещения и культуры объединяются в Казани, Самаре, Уфе и других городах Поволжско-Уральского региона.

Особую этноконсолидирующую роль на рубеже XIX — начала XX вв. играла художественная литература. Так, к концу 70-х гг. XIX в. относятся первые литературные опыты И.Н. Юркина. Идеологию национально-народнического характера, выработанную чувашской интеллигенцией в конце XIX — начале XX в., Юркин обогатил отповедью национального нигилизма, романтическим превозношением старины, народно-

сти, проповедью избранничества чувашского народа³⁸. В 1905 г., когда никто даже не задумывался об автономии, И.Н. Юркин, как пишет Д.П. Петров (Юман), был захвачен идеей создания чувашского государства: *Юржка Иванё чăваш патшалăхĕ тăвас тесе хайласа сунатланса сўретчĕ* (Иван Юркин был окрылен идеей создания чувашского государства)³⁹.

Просветительские принципы определили ранее литературное творчество Г.И. Комиссарова, О.Р. Романова, Н.М. Кедрова, Г.А. Коренькова, Т.К. Кириллова и др. Одна из наиболее ярких фигур среди них – Г.А. Кореньков, который впервые столь серьезное внимание уделил национальному контексту культуры родного народа, стремясь осмыслить её место и роль в мировом культурном пространстве. Например, он ставит вопросы: почему у нас, чувашей, до сего дня нет собственного Пушкина, почему чувашский народ «так долго блуждал в потемках истории»? Поэт мечтал, чтобы из чувашской среды вышел хоть один человек «с ярким светильником в руке, и мы бы тогда при таком свете увидели двери, ведущие в цивилизованный мир»⁴⁰. Он размышлял о том, чтобы на Волге в девственных местах основать «новый, чисто чувашский град» и, собрав туда всех деятельных чувашей, развернуть работу по подъёму культуры народа⁴¹.

Дальнейшее развитие просветительства связано с периодом революции 1905–1907 гг. Просветительские идеи радикально настроенных молодых литераторов (Т.С. Семенов (Тайр), М.Ф. Акимов, Н.И. Полоруссов (Шелеби), Ф.Н. Николаев (Сергеев), С.С. Сорокин и др.) качественно отличаются своим социальным содержанием: их направленность на пробуждение национального самосознания народа озвучена революционно-мобилизирующими мотивами. Они были ориентированы в защиту гражданских свобод, человеческого достоинства, обличали деспотизм во всех формах и в таком виде становились носителями передовых национальных интересов народа⁴².

Особая роль в национальном просветительстве чувашского народа принадлежит Н.В. Никольскому. Имея общие мировоззренческие корни и продолжая «чувашское дело» И.Я. Яковлева, просветительская программа Н.В. Никольского отличалась более широкой научной основой по сравнению с заложенными И.Я. Яковлевым традициями. Исследователи отмечают также и различия в просветительских взглядах

И.Я. Яковлева и Н.В. Никольского, по крайней мере в трех принципиальных аспектах. Первое — в отношении к православной религии. Мировоззренческие позиции Яковлева в этом вопросе достаточно ортодоксальны, в русле официального миссионерства. Никольский, несмотря на духовное образование и мировоззренческую позицию, в которой «часто виден миссионер», имеет большую широту гуманистических воззрений⁴³. Второе — в отношении к родному языку. Для И.Я. Яковлева родной язык выступал как средство приобщения к русской культуре, христианским ценностям. Для Н.В. Никольского материнский язык являлся философией жизни, «языковой картиной мира» родного народа⁴⁴. Третье — в отношении к национальному вопросу и по поводу перспектив развития чувашского этноса. Общая методологическая позиция И.Я. Яковлева заключалась в том, что «инородцы», безусловно, растворятся в среде русской культуры, государственной и церковной жизни. Н.В. Никольский подходил к культуре каждого народа с позиций понимания ценности отдельного этноса как неотъемлемой составной части общечеловеческой цивилизации⁴⁵.

Продолжая дело И.Я. Яковлева, Никольский никогда себя не связывал с Симбирской чувашской учительской школой и создал второй после Симбирска центр чувашского просветительского движения в Казани. Именно этот город с начала XX в. становится центром национального движения чувашей, откуда стали распространяться идеи национальной свободы и где происходил поиск путей и форм реализации права чувашского народа на самоопределение.

Просветительская деятельность Н.В. Никольского характеризовалась разнообразием, однако главными ее составляющими были научно-исследовательское, педагогическое и общественно-политическое направления. Создание академической национальной истории заняло существенное место в научной работе просветителя. Изучение Н.В. Никольским истории базировалось на твердой «этнографической почве». В ходе этнографических исследований им выявлялась комбинация базовых свойств, составляющих совокупный образ чувашского этноса, национальный характер, своеобразие национальной культуры, ее ценности для мировой культуры; происходило «установление места чуваш в культурном творчестве народов мира»⁴⁶. Развитие этнографических знаний о чувашах Николь-

ский связывал с практическими задачами национально-политического и культурного строительства среди чувашей. Чувашский просветитель подчеркивал: изучая «тонкие» свойства народного характера, произведения народной словесности, мифологию, географическую номенклатуру, народную архитектуру и технику, «мы тем самым облегчаем себе политическую, административную и просветительскую работу среди данного народа»⁴⁷.

Деятельность Н.В. Никольского имела важное значение для развития системы образования чувашского народа. Большое значение в организации школьного образования просветитель придавал преподаванию на родном языке. Никольский ратовал за развитие внешкольного образования и считал необходимым создание в селениях культурно-просветительских кружков, народных библиотек и читален, народных чтений для взрослого населения⁴⁸. Именно через внешкольное образование, как полагал он, можно значительно повысить уровень культуры простых чувашских крестьян, для которых обучение в школе уже было недоступно из-за возраста или по причине ее отсутствия.

Свою лепту Н.В. Никольский внес в создание учебно-методической литературы для нерусских школ. Как лидер казанского центра чувашского просветительского движения Н.В. Никольский много сделал для подготовки кадров национального просвещения, науки, культуры и общественно-политической деятельности.

По вопросам развития науки и образования ученый-просветитель осуществлял профессиональные связи с широким кругом специалистов в области изучения и образования народов Поволжья и Приуралья: Н.Ф. Катановым, Н.Н. Фирсовым, К.В. Харламповичем, Н.А. Бобровниковым, В.В. Радловым, Н.Я. Марром, Н.Н. Поппе и др. Контакты с крупными деятелями науки не только обогащали ученого, но и позволяли расширить диапазон представлений российской научной общественности о самобытности, богатстве истории и культуры чувашского народа.

Большое значение в формировании и развитии национального самосознания чувашского народа имела переводческая и издательская деятельность Н.В. Никольского, которую он осуществлял, главным образом, в рамках своего сотрудни-

чества в переводческой комиссии Православного миссионерского общества с 1903 до начала 1917 г.

Н.В. Никольскому принадлежит заслуга основания первой национальной газеты на чувашском языке «Хыпар» (Вести), которая издавалась в Казани с 8 января 1906 г. по 27 мая 1907 г. Первый печатный орган чувашей сыграл огромную роль в сплочении авангардных сил нации, осмыслении дальнейших путей социального и культурного возрождения народа, консолидации чувашского этноса. Он способствовал духовному и интеллектуальному объединению разбросанных по разным местам чувашей. Публицисты газеты «Хыпар» были в числе первых, кто сформулировал и выдвинул общественно-политические требования чувашского народа.

В связи с изданием газеты деятельность Н.В. Никольского стала выходить за рамки сугубо просветительской сферы, поскольку, будучи редактором печатного органа, он невольно вовлекался в обсуждение злободневных общественно-политических проблем, хотя и стремился всячески избегать политизации газеты. По своим политическим убеждениям просветитель примыкал к национальной интеллигенции, стоявшей на либерально-демократических позициях. По-настоящему как общественно-политический деятель Никольский проявил себя в период революционных событий февраля—октября 1917 г. Тогда же он становится общепризнанным лидером и идеологом национального движения народов Поволжья.

Видным деятелем чувашского просветительства стал Г.И. Комиссаров. Диапазон просветительской деятельности поставил его в один ряд с такими фигурами, как И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский. Более того, просветительство Комиссарова стало своего рода синтезом просветительских инициатив и начинаний его учителя и старшего коллеги: после И.Я. Яковлева Г.И. Комиссаров продолжил разработку вопросов теории и практики организации чувашской школы и наряду с Н.В. Никольским активно формировал и разрабатывал комплекс чувашеведческих исследований. Хотя просветительская практика Комиссарова не достигла масштабов и глубины двух выдающихся чувашских просветителей, но именно он первым в национальном просветительстве сделал то, чего не сделали другие: пытался философски осмыслить место чувашского этноса, отдельной личности в глобальном контексте, в потоке мировой

истории. Об этом свидетельствуют богословско-философский трактат Г.И. Комиссарова «Смысл мировой истории» (1916) и сочинение «Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши?» (Может ли чувашский народ иметь свое будущее?) (1918). В первой работе он «как бы подвел итоги нравственно-философским исканиям дореволюционной чувашской интеллигенции»⁴⁹, сформулировал концепцию человека, размышлял о смысле жизни.

В сочинении «Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши?» он рисует широкую панораму чувашской жизни и задумывается над историческими судьбами соплеменников. Его тревожат процесс их ассимиляции, заниженная этническая самооценка значительной части сородичей. Залог сохранения и процветания родного народа Г.И. Комиссаров видит в развитии самобытной национальной культуры, в том, чтобы народом правили избранные им же люди (*хăй суйланă сьнсене пăхăнса итлесе нурăннă*), в покровительстве Бога: «... *Турă чăваша та хăйĕн ыраĕхне кăтартать. Апла пулсан, Вăл чăваш халăхне те ытти халăхсем некех йышăнать. Чăваша та Вăл тасатса сĕнетĕ, унăн нурăнăсне илемлентерсе, итлесе малалла каймалла тăвĕ. Чăваш хăй тăрăштар анчах*»⁵⁰ (Бог демонстрирует свое расположение к чувашам. Значит, он принимает чувашский народ так же, как и другие народы. Он будет способствовать очищению и обновлению чувашского народа, развитию его жизни. Лишь бы сам чуваш стремился к этому).

Религиозная мотивация просветительства Г.И. Комиссарова была отнюдь не случайной. Как и ряд других представителей чувашского просветительства (Н.В. Никольский, Д.Ф. Филимонов, О.Г. Романов, Н.М. Кедров, К.П. Прокопьев), он получил духовное образование, его просветительская практика на первых порах была связана с церковно-духовным поприщем. Христианство чувашскими просветителями воспринималось как прогрессивное явление, а с язычеством часто связывались суеверие, темнота и невежество социума. В рамках христианской религии они осуществляли просвещение народа, подъем его культуры, распространяли просветительскую мораль, общегуманистические идеи. Нередко и публицистические и литературные творения чувашских просветителей оформлялись в духе религиозных верований или подобная мораль выносилась в название их произведений. Другое дело,

что в процессе развертывания просветительской деятельности Г.И. Комиссарова и Н.В. Никольского происходила ее секуляризация.

Между тем в трудах на ниве просвещения и культуры чувашей таких деятелей национального просветительства, как А.С. Иванов, Д.Ф. Филимонов, О.Г. Романов, религиозная составляющая была ведущей, что дало основание исследователям выделять вполне своеобразное религиозно-христианское течение в широком общепросветительском движении чувашского народа⁵¹. Наиболее масштабной фигурой среди просветителей религиозно-христианского течения, безусловно, является Д.Ф. Филимонов. Ученику просветителя поволжских народов Н.И. Ильминского, выпускнику Казанской инородческой учительской семинарии Д.Ф. Филимонову, принявшему в 1882 г. священнический сан, не хотелось быть простым отправителем церковных служб, он стремился стать настоящим духовным пастырем чувашей в религиозной жизни. По его мнению, для дальнейшего христианского воздействия на чувашей необходимы были следующие меры: совершение церковного богослужения и требоисправлений на чувашском языке, распространение грамотности и начальных, основных сведений из Закона Божьего среди чувашей посредством школьного и внешкольного обучения с использованием родного языка, распространение книг религиозно-нравственного содержания в чувашском переводе⁵².

Просветительская деятельность Д.Ф. Филимонова пришлась на период политических катаклизмов, охвативших страну в конце XIX и в первом десятилетии XX в., и он не мог остаться в стороне. В силу своего крестьянского происхождения, образования и рода службы Филимонов по общественно-политическим воззрениям был либеральным консерватором. Он не был согласен с идейной и культурно-политической концепцией самодержавия в отношении нетитульных этносов и резко критиковал русификаторские устремления местных деятелей просвещения. Его также беспокоила утрата частью чувашской интеллигенции национальной идентичности.

Выход из сложившейся ситуации он видел в сохранении и развитии этнической самобытности соплеменников, в повышении национальной самооценки: «чувашки как особая нация могут существовать и правильно идти вперед по пути

развития в том лишь случае, если самосознание их освободится из принужденного угнетенного состояния»⁵³. В докладе А.И. Износкову (3 февраля 1907 г.) Д.Ф. Филимонов сформулировал свое видение решения национальных проблем чувашского народа: во всех инородческих приходях церковнослужителями должны быть лица коренной национальности; необходимо открыть нерусским национальностям свободный доступ к высшему образованию; просвещение «инородцев» нельзя ограничить религиозным образованием, их нужно развивать разносторонне: способствовать развитию национального языка, литературы, музыки, расширить масштабы и объемы финансирования «инородческого» школьного образования; поощрять внешкольное образование «инородцев»; учредить внепархиальное братство просвещения и развивать другие стороны духовной жизни⁵⁴. Многие из этих предложений и идей Д.Ф. Филимонова впоследствии вошли в число программных положений, принятых на общечувашских национальных съездах 1917, 1918 гг. Согласно своим религиозным убеждениям главную задачу деятельности чувашской национальной интеллигенции он определял как реализацию просветительской миссии — распространение христианских идеалов среди родного народа.

Интеллектуальная и разносторонняя подвижническая деятельность Д.Ф. Филимонова и других представителей чувашского просветительского движения, наполненная смыслом социально-культурного преобразования нации, явилась мощным двигателем прогресса чувашского народа. Пройдя через ряд этапов — миссионерский, охвативший период до первой половины XIX в. (задачи национального возрождения решались через православную церковь и духовные учреждения, которые являлись основным каналом повышения культурного статуса чувашского этноса); собственно национального просветительства во второй половине XIX в. (происходят секуляризация действий национальных просветителей, создание самостоятельной просветительской программы, институциональное оформление национальной культуры в виде письменности, литературного языка, родного языка как языка начальной школы, национальной интеллигенции; изучение вопросов духовной и материальной культуры чувашского народа приобретает самостоятельное значение); этап, когда культурные задачи просветительства дополняются политическими в начале XX столетия (создание общественных движений, партий, ло-

зунг культурной автономии, равенства культур в государственной и образовательной сферах) — национальное просветительство пробудило к жизни творческие силы нации.

В общественной мысли, программных установках и практических результатах просветителей сосредоточились интересы и идеалы народа. Опираясь на фундамент этнических ценностей и решая национальные задачи — возрождение родного народа, развитие этнического самосознания, в то же время национальное просветительство содержало задачи модернизации традиционного чувашского социума через приобщение к передовым достижениям русской культуры, обеспечивая тем самым его органичное вхождение в общероссийское культурное и экономическое пространство. Ключевыми субъектами просветительского движения среди чувашей стали С.М. Михайлов, И.Я. Яковлев, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, Д.Ф. Филимонов и др. Овладев высотами общероссийской культуры, пережив духовно-интеллектуальный переворот относительно соплеменников, они поднялись над общим уровнем нации, сохраняя с ней прочные этнические связи и оставаясь яркими носителями этнической культуры. Положительная этническая идентичность вкуче с высоким образовательным и интеллектуальным уровнем, энциклопедичность научных и практических интересов, их личная харизма сделали национальных просветителей духовными авторитетами, признанными уже современниками.

Просветители стали первыми из представителей чувашского социума, чей личный и научный опыт предстал как цельная система взглядов, охватывающая весь национальный мир: его прошлое и настоящее, общественную жизнь, духовную сферу, соотношение национальных ценностей с российскими и общечеловеческими, значение родной культуры для мировой. Их общественно-педагогическая и научная деятельность повлияла на развитие всей национальной культуры, способствовала разрушению стереотипов социальной и культурной ущербности, служила формированию национального самосознания народа; своей просветительской работой они подготовили базу для развития научного чувашеведения, идейную основу для создания организованного чувашского национального движения, формулировки его лозунгов, политических интересов и требований этноса (прежде всего в области национально-культурного строительства).

ЭТНИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ КАК ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПРОЦЕССА НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧУВАШЕЙ

Рубеж XIX–XX вв. стал судьбоносным в развитии чувашского этноса. Именно в этот период произошла консолидация чувашей в нацию. Ее основными признаками являлись чувашский язык, выросший до уровня единого литературного языка, национальная культура, появление национальной интеллигенции. Языковая и культурная общность чувашской нации подкреплялась компактным проживанием основной массы народа на общей территории, что «являлось этногеографической предпосылкой хозяйственно-экономических и культурных связей»⁵⁵. К концу XIX столетия произошли окончательное оформление и стабилизация конфигурации этнической территории чувашей, которая не только на уровне массового сознания, но и объективно определилась на базе внешних границ примерно семи смежных уездов Казанской и Симбирской губерний (Чебоксарский, Ядринский, Цивильский, Козьмодемьянский, Тетюшский, Буинский и Курмышский), где проживало 662 тыс. чувашей, то есть 78% всей их численности в Российской империи. Чувашаи проживали здесь компактно, лишь местами имея чересполосицу с татарским, мордовским и русским населениями. Именно этот территориальный массив чувашей и становится ядром нации, а земли названных уездов, составив в последующем территориальную основу создаваемой национальной автономии — «материнской родиной для большинства чувашей»⁵⁶.

Вместе с этноконсолидационными процессами в начале XX в. у чувашей явственно обозначились зачатки организованного национального движения. Согласно оценке чешского историка М. Гроха, национальное движение «малых народов» (не имевших непрерывной государственной традиции и письменного языка) проходит три фазы. Первая фаза характеризуется появлением национальных просветителей, патриотически настроенных деятелей образования и культуры, которые обращались к разработке языка, истории и культуры народа. Во второй фазе происходит переход к национально-патриотичес-

кой агитации с целью распространения самосознания на все слои этноса, консолидация в современную нацию. Третья фаза завершается возникновением массового национального движения с открытыми политическими лозунгами и сетью национальных организаций в целях национальной эмансипации⁵⁷. В первом десятилетии XX в. национальное движение чувашей вступило во вторую фазу – фазу агитации – и окончательно достигло её пределов в 1917 г.

У народов Поволжья национальное движение было ускорено революцией 1905–1907 гг., в которой своеобразно переплелись социально-политические, экономические, этнические противоречия и конфликты. Самодержавная политическая система отказывала народам России в праве не только на административную автономию, но и на свободное развитие культуры. В государственной идеологии со времен Александра III утвердилась доктрина «официального национализма» с лозунгом «Россия должна принадлежать русским». Правительство все дальше отходило от прежней политики толерантности в отношении национальных особенностей нерусских подданных царя. Применительно к чувашам это проявилось, в частности, в том, что узкомиссионерский характер государственной программы просвещения еще больше сужается: появляется стремление пересмотреть систему Н.И. Ильминского и изгнать чувашский язык из чувашских школ, издание светской чувашской литературы встречает противодействие со стороны официальных органов. В 1903 г. в предупреждение чувашского «национального сепаратизма» снимается с должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа И.Я. Яковлев, что производит крайне негативное впечатление на всю чувашскую интеллигенцию. Заметное недовольство существующими порядками проявляется даже среди чувашского духовенства. Росту его оппозиционности содействовали крестьянское происхождение и русское духовенство, которое смотрело на священнослужителей-чувашей с пренебрежением и высокомерием. Недовольство охватило и чувашское крестьянство, заданное малоземельем, ростом податей и налогов, чиновничьим произволом⁵⁸.

Идею национального подъема несла чаще всего молодая по возрасту и времени появления чувашская интеллигенция. В ней заметной была доля учителей, священников, юристов,

многие из которых являлись воспитанниками Симбирской чувашской школы. Подавляющее большинство представителей чувашской интеллигенции поддерживало лозунги партии эсеров, которая в аграрном Поволжье имела сильные позиции. Чувашские эсеры (С.Н. Николаев, Г.Ф. Федоров (Алюнов), Т.Н. Николаев (Хури) и др.) в своей деятельности руководствовались общеэсеровской партийной программой. В ходе революции 1905–1907 гг. они выдвигали следующие политические и экономические требования: немедленный созыв Учредительного собрания на основе прямого, равного и тайного голосования; гражданское равноправие; выборность, сменяемость и подсудность всех должностных лиц; свобода печати; равноправие языков; безвозмездная конфискация всех казенных удельных, монастырских и помещичьих земель и распределение их между крестьянами на основе уравнительного землепользования; отмена всех недоимок, выкупных платежей; всеобщее обязательное низшее образование. В отношении национального вопроса, выражая общую линию с программой партии социалистов-революционеров, они не шли дальше требования культурно-национальной автономии⁵⁹. Эта национальная программа вполне соответствовала и социальной структуре чувашской организации партии эсеров: учителя, журналисты, студенты, учащиеся и семинаристы.

Чувашская организация эсеров являлась самой заметной политической силой, способной идейно воздействовать на чувашскую интеллигенцию и основную часть крестьянства. В ее среде формировались идеология и лидеры движения за национальную эмансипацию чувашей. Представители этой организации руководили возникшими в годы революции профессиональными объединениями национальной интеллигенции и крестьянства. Наиболее организованной в среде интеллигенции было учительство. Оно сделало первую в истории чувашей попытку общенационального объединения на основе движения за свободную школу и национальную культуру. 1–2 августа 1906 г. состоялся нелегальный съезд чувашских учителей. Было решено, что Союз чувашских учителей — организация не партийная, а профессиональная и является филиалом Всероссийского союза учителей.

Образование национального учительского союза свидетельствовало о том, что чувашская интеллигенция приходит к

осознанию необходимости социально-политических действий. Принятые программные документы были направлены на национальную мобилизацию этноса под лозунгом борьбы за передачу дела народного образования чувашей в руки самих чувашей⁶⁰.

Наряду с активизацией социально-политической деятельности интеллигенции в годы революции разворачивается движение чувашского крестьянства, которое не только выступило со своими четко сформулированными требованиями, но и сорганизовалось в общественно-политическое движение в виде крестьянского союза (его организации были созданы в 113 селах и деревнях Чувашии)⁶¹. Общественно-политические требования чувашского крестьянства, изложенные в их приговорах и наказах, кроме общедемократических требований (гражданское равноправие и свободы, выборность и сменяемость всех должностных лиц, полная свобода печати, созыв Учредительного собрания и т.д.) содержали и национальные (равноправие языков, обучение в школе на родном языке, выборность судей местным населением)⁶².

Революционно-демократическое движение вынудило правительство вновь вернуться к политике гибкого прагматизма в национальном вопросе. Манифест от 17 октября 1905 г. вместе с провозглашением гражданских прав и свобод допускал также создание национальных организаций и агитацию и таким образом стимулировал развитие национальных движений.

Одним из итогов дарования народу «основ гражданских свобод» стало появление чувашской национальной газеты «Хыпар». Она писала о нуждах и бесправном положении чувашей. Вокруг газеты объединилась национальная элита. В числе сотрудников и активных корреспондентов газеты были видные деятели национальной культуры и общественного движения М.Ф. Акимов, Т.С. Семенов (Тайр), Ф.Н. Николаев (Сергеев), Н.И. Полоруссов (Шелеби), Д.Ф. Филимонов, К.П. Прокопьев, И.Н. Юркин, С.Н. Николаев и др., а также образованные чуваша, в публикациях которых артикулировались национальные, общественно-политические и социально-экономические потребности и требования чувашского этноса.

С учетом цензурных ограничений и соблюдения требований политкорректности вопросы национального развития

этноса газетой рассматривались и обсуждались зачастую опосредованно — на примере других народов. Редакция целенаправленно приводила и публиковала статьи о разных странах со сравнительными данными. Между строк ставились вопросы: в чем сила этой нации, в чем чувашаи должны следовать ей? Подобные публикации пробуждали читателя, заставляли его задумываться над судьбой своего народа. Под впечатлением опубликованных материалов некоторые читатели предоставили собственные «рецепты» национальной консолидации и подъема этноса. Так, крестьянин Василий Тимофеев выступил на страницах газеты за создание Общества всенародного содействия просвещению соплеменников. Другой безымянный корреспондент предложил созвать всечувашское собрание (съезд) для разработки мероприятий по улучшению преподавания родного языка в школах, изданию чувашских газет, обсуждению проблем здоровья нации⁶³.

Редакция газеты «Хыпар» стояла у истоков национальной публицистики. В 1906 г. ею была издана на чувашском языке брошюра «Современная эпоха», которая состояла из ряда статей, написанных на злобу дня. Преимущества парламентской формы доказывались и в брошюре «Формы правления государства», написанной редактором газеты «Хыпар» С.И. Игнатьевым⁶⁴. Несколько брошюр по политической проблематике на чувашском языке были изданы депутатом Государственной думы З.М. Таланцевым, которым обосновывались идеи равенства, прав: государственные дела должны решаться народными представителями, они же должны принимать законы; народам России на деле должны быть обеспечены общегражданские права и свободы. В брошюре «Автономия и единство России» автором рассказывалось о том, что означают понятия «автономия» и «федерация», выдвигалось требование предоставления автономии народам России и создания их представительных органов⁶⁵. Появление названных работ свидетельствовало о существенном сдвиге в чувашской общественной мысли, диапазон которой расширился от просветительских до государственно-правовых, социально-политических воззрений.

Газета «Хыпар» сыграла существенную роль в выборах чувашского представителя в I Государственную думу. Известно, что в середине апреля 1906 г. в редакции газеты собралось

25 чувашских крестьян – делегатов губернского съезда выборщиков. В результате голосования выбор пал на чуваша-крестьянина с. Убеево Ядринского уезда Я.А. Абрамова. Он и прошел от Казанской губернии в I Государственную думу (27 апреля – 8 июля 1906 г.)⁶⁶. Кроме Я.А. Абрамова, депутатами I Государственной думы стали адвокат из Чебоксар К.В. Лаврский (как и Абрамов, он вошел во фракцию трудовиков), от Симбирской губернии – В.Н. Микешин (числился во фракции кадетов).

Во II Государственную думу (20 февраля – 2 июня 1907 г.) были избраны земский врач, кадет Д.А. Кушников, эсеры – предприниматель из Ядрины З.М. Таланцев и крестьянин-чуваш из д. Старые Урмары Цивильского уезда А.Ф. Федоров, из Алатыря – трудовик, земский врач Л.В. Карташев, также уроженец чувашской д. Апанасово-Темяши Тетюшского уезда, учитель, меньшевик В.А. Анисимов – от Саратовской губернии. В III Государственной думе (1 ноября 1907–1912 гг.) чувашские уезды представляли чебоксарский купец Н.П. Ефремов, торговец д. Козловка Чебоксарского уезда, кадет А.Л. Лунин, священник с. Шихазаны Цивильского уезда И.И. Соколов, из Алатыря – И.С. Ключев. В IV Государственную Думу (15 ноября 1912 – 6 октября 1917 гг.) были избраны крестьянин Стрелецкой Слободы Ядринского уезда А.С. Юхтанов, дворянин Алатырского уезда, член «Союза русского народа» С.И. Самойлов.

Вне зависимости от партийной принадлежности такие парламентарии, как А.Ф. Федоров, Д.А. Кушников, З.М. Таланцев, в своей депутатской деятельности ориентировались на решение аграрного вопроса, борьбу за просвещение, расширение свобод, национальное равноправие и защиту национального достоинства. Так, подпись А.Ф. Федорова стоит под аграрным законопроектом эсеров, предусматривающим национализацию земли; под проектом временных правил о народном образовании, направленных на отмену всех национальных и сословных ограничений, введение бесплатного обучения, преподавания на родном языке и т.д.; под протестом группы депутатов по поводу ограничения права на выступления ораторов и других прогрессивных законопроектов⁶⁷. Депутат IV Государственной думы А.С. Юхтанов подписал 11 законопроектов и 5 депутатских запросов, в том числе проект закона

об образовании местного суда, предусматривающий использование родного языка в судопроизводстве⁶⁸.

Участие в думских выборах и представительство в парламенте, несмотря на ограниченный характер деятельности депутатов от Чувашии (ими не ставились в повестку работы Думы самостоятельные требования, касающиеся чувашского народа), тем не менее стали важным инструментом политизации этнической общности, развития ее гражданско-правовой и политической культуры, стимулировали общественную активность и способствовали формированию политической элиты нации.

Первая русская революция сыграла важную роль в истории чувашского этноса. В 1905–1907 гг. у чувашей появились печатное издание на родном языке, национальные организации, в ходе выборов в Государственную думу произошла политическая мобилизация общности. Период революции ознаменовался выходом на арену чувашской общественной жизни новых сил в лице молодых политических радикалов, которые не ограничивались в своих требованиях культурной проблематикой, а увязывали цели национальной эмансипации с социальными и общественно-политическими задачами. Качественные изменения произошли и в чувашской общественной мысли. На базе просветительства и либеральных идей она проявила общую тенденцию к формированию национальной идеологии, которая в отношении разрешения национального вопроса выдвигала требование культурно-национальной автономии для чувашей. Ее реализация, как писал Д.П. Петров (Юман), виделась таким образом: получая от государства пропорциональную долю бюджета на культурно-просветительские потребности, чувашский народ создаст общенациональный орган просвещения и культуры, облаченный полномочиями государственного органа и совершенно независимый от центрального правительства. Под эту автономию подводили и административно-организационную основу в виде общечувашского союза земств чисто чувашских уездов с привлечением в этот союз волостных и районных земских единиц с чувашским населением из уездов и губерний, где чуваша были в меньшинстве. Этот союз должен был выражать политическую волю нации, ее политические и социально-экономические интересы⁶⁹.

С наступлением политической реакции, после того как схлынула первая революционная волна, правительство усилило политику этнозапретительства. Национальные организации оказались под запретом, газета «Хыпар» закрылась. Усилились гонения на чувашский язык, из учебных заведений увольнялись прогрессивно настроенные чувашские деятели. Консервируя национальное неравноправие, поддерживая архаические стереотипы восприятия нерусских народов официальными терминами «инородцы» и «иноверцы», российская государственная машина сама провоцировала крах имперского режима. Первая мировая война послужила катализатором новой российской революции, одним из самых мощных взрывных компонентов которой стали этнополитические движения и центробежные тенденции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-экономические, культурные и политические предпосылки определили возникновение и развитие национальных движений у народов Российской империи. Социально-экономические факторы, стимулирующие национальное движение у чувашей, были развиты слабо: замедленная и неравномерная индустриализация, урбанизация и социальная мобильность населения, несмотря на то, что либерально-буржуазные реформы второй половины XIX в. дали определенные импульсы модернизации экономики и социальных структур чувашского общества. Более существенной была роль культурных элементов: национальное самосознание и язык, развитие национального образования, литературы, общественно-политической мысли на базе просветительских идей, возникновение национальной интеллигенции. Важными были и политические предпосылки, поскольку без гарантии гражданских свобод и прав, без парламента, легальных политических партий и союзов, коммуникативных сетей (прессы) на родном языке развитие национального движения было осложнено. Эти условия появились в ходе революции 1905–1907 гг., которая привела к достаточно сильной общественно-политической мобилизации национальных сообществ. Кульминацией национально-политических манифестаций у чувашей стало возникновение общественных объединений и союзов, появление общечу-

вашского печатного органа и парламентариев, предъявление лозунга культурно-национальной автономии, что явилось решающим для дальнейшего распространения национального движения.

Характеризуя эндогенные причины, сформировавшие национальное движение чувашей, следует отметить и экзогенные — это «национальная политика» царской России, в которой культурная русификация и форсированная цивилизирующая миссия не были первичными целями и сохранение империи было более важной задачей, чем распространение среди многонационального населения русских идей и представлений, создание «общерусской» национальной идентичности. К тому же, когда власти прибегали к политике русификации, она была недостаточно последовательной и не носила интенсивного характера⁷⁰.

К началу XX в. потенциал этничности, опирающийся на столетия предшествующего опыта, оказался достаточно мощным, чтобы чувашский народ не только выстоял, но и развернул борьбу за национальную эмансипацию вначале под лозунгом культурно-национальной автономии, а в послеоктябрьский период ее ориентиром стало достижение национально-территориальной автономии.

Литература, источники, примечания

¹ *Каппелер А.* Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье в сравнении с другими регионами Российской империи // Известия НАНИ ЧР. 1996. № 2. С. 202–210.

² *Иванов В.П.* Некоторые этнодемографические и историко-культурные характеристики чувашского этноса // Чуваши: актуальные аспекты антропологии. Чебоксары, 2004. С. 21.

³ *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Чебоксары, 2005. С. 292.

⁴ Там же. С. 293.

⁵ *Морозов Д.М.* К вопросу о складывании системы управления Казанской землей во второй половине XVI – начале XVII веков // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х гг. XX века: сборник статей Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 270.

⁶ *Каппелер А.* Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX вв. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: межконфессиональное отношение в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). Н.Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 32.

⁷ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. С. 2004.

⁸ *Димитриев В.Д.* О трудах швейцарского историка А. Каппелера по истории народов Среднего Поволжья с древних времен до середины XIX века // Из истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1992. С. 27; *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 143.

⁹ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959. С. 328, 329.

¹⁰ *Ислаев Ф.Г.* Становление веротерпимости в России: исторический контакт // Православие в этноконфессиональном обществе. Казань, 2006. С. 111.

¹¹ *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.). Чебоксары, 2000. С. 206–208.

¹² *Таймасов Л.А.* Христианское просвещение чувашского населения Казанской и Симбирской губерний в первой половине XIX века // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков. Чебоксары, 1990. С. 50.

¹³ *Родионов В.Г.* К проблеме исторического взаимодействия чувашского язычества и христианства // Этнос. Культура. Слово. Чебоксары, 2006. С. 232.

¹⁴ *Родионов В.Г.* Чаваш литературы, XVIII–XIX ёмёрсем: вёрнеңү пособийё. Шупашкар, 2006. С. 422.

¹⁵ Там же. С. 432.

¹⁶ *Николаев Г.А.* Слово о Н.В. Никольском и его трудах по истории христианизации и христианского просвещения чувашей // *Никольский Н.В.* Собр. соч.: в 4 т. Чебоксары, 2007. Т. 2. С. 15.

¹⁷ *Григорьев П.Г.* Чувашия в период разложения крепостного строя и зарождения капиталистических отношений // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. 1. С. 389.

¹⁸ *Димитриев В.Д.* Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. – 1861 г.) // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. Чебоксары, 1978. С. 114. (Труды ЧНИИ; вып. 86); НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1040. Т. 2 (2-й экз.). Л. 216, 234.

¹⁹ *Николаев Г.А.* Заметки о чувашско-русских взаимоотношениях в средневожской деревне на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 39.

²⁰ *Юрченко В.А.* Мордовский этнос в системе Российской империи XVIII – начале XX века // Отечественная история. 2004. № 5. С. 31.

²¹ *Родионов В.Г.* К вопросу о национальном самосознании чувашей в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы традиционной культуры чувашей. Чебоксары, 1989. С. 67.

²² НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1040. Т. 2 (2-й экз.). Л. 333.

²³ *Каплуновский А.* Татары-мусульмане и русские в мешанских общинах Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX века // Ab imperio. 2000. № 1. С. 76.

²⁴ *Таймасов Л.А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. С. 367.

²⁵ *Канпелер А.* Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье ... С. 205.

²⁶ *Николаев Г.А.* Средневожская деревня рубежа XIX–XX веков в зеркале этнического национализма // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М., 2005. С. 467.

²⁷ *Ефимов Л.А.* Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX – начале XX веков. Чебоксары, 2000. С. 195.

²⁸ *Арсентьева А.В., Петрянкина А.П.* Учебные заведения в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII – начала XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 478.

²⁹ *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997. С. 5.

³⁰ *Канюков В.Я.* Творчество С.М. Михайлова как этап утверждения народного сознания в ранней чувашской литературе // С.М. Михайлов: первый чувашский этнограф, историк и писатель. Чебоксары, 1973. С. 58; *Данилов А.П., Тенюшев И.Я.* Зарождение, развитие публицистики и журналистики в Чувашии. Чебоксары, 1999. С. 20.

³¹ Отчего чуваша давятся и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления // Спиридон Михайлов. Собр. соч. Чебоксары, 2004. С. 180–181, 184–185.

³² Канюков В.Я. Указ. соч. С. 58.

³³ *Данилов А.П., Тенюшев И.Я.* Указ. соч. С. 46.

³⁴ *Хузангай А.П.* Мифологические концепты об И.Я. Яковлеве в контексте официальной идеологии, русского и чувашского национализмов:

(Опыт реконструкции яковлевского дискурса) // И.Я. Яковлев и проблемы яковлеведения. Чебоксары, 2001. С. 10–18; Яковлев Ю.В. Особенности восприятия Иваном Юркиным и Иваном Яковлевым идей русского национализма // Диалог культур: проблемы художественного сознания. Чебоксары, 2000. С. 91–101.

³⁵ Волков Г.Н. Яковлев как духовный отец чувашской нации, как ее апостол и пророк // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества: тезисы докладов Международной научной конференции, Чебоксары, 24 апреля 1998 года. Чебоксары, 1998. С. 12–17.

³⁶ Спиридонов С.С. Мироззрение Ивана Яковлевича Яковлева (1848–1930 гг.). М., 1965. С. 30. Кузнецов И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 254.

³⁷ Артемьев Ю.М. XX ёмёр пусламăшёнчи чăваш литературы (1900–1917 çç.). Шупашкар, 1992. С. 210.

³⁸ Яковлев Ю.В. И.Н. Юркин как защитник национальной самобытности чувашского народа // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XX веках: тезисы докладов региональной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора И.Д. Кузнецова, 27–28 мая 1996 г. Чебоксары, 1996. С. 41–42.

³⁹ Юман М. (Д.П. Петров). 1905-мĕш сÿл (чăвашсен хушшинче пулнă ёçсене асăнни). Шупашкар, 1925. С. 117.

⁴⁰ Артемьев Ю.М. Страсть к полемике: статьи, рецензии. Чебоксары, 2003. С. 150; Революционерчи чăваш литературы: текстсем. II т. I кĕнеке. Шупашкар, 1988. №. 98–101.

⁴¹ Юман М. (Д.П. Петров). 1905-мĕш сÿл ... С. 117.

⁴² Артемьев Ю.М. Становление социалистического реализма в чувашской литературе. Чебоксары, 1977. С. 42–49.

⁴³ Леонтьева А.М. К вопросу об исторических взглядах Н.В. Никольского // Исторический сборник. Чебоксары, 1966. С. 319. (Ученые записки ЧНИИ; вып. 31).

⁴⁴ Хузангай А.П. И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский: (опыт ретроспективного анализа исторического поведения личностей) // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: мат-лы конференции, посвящ. 125-летию со дня рожд. ученого. Чебоксары, 2005. С. 22.

⁴⁵ Там же. С. 23.

⁴⁶ Никольский Н.В. Этнография чуваш // Никольский Н.В. Собр. соч. Т. 1. С. 406.

⁴⁷ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш // Там же. С. 108.

⁴⁸ Никольский Н.В. Основы инородческого просвещения // Там же. Т. 3. С. 96; НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 307. Инв. 6184. Л. 107.

⁴⁹ Артемьев Ю.М. XX ёмёр пусламăшёнчи чăваш литературы. С. 228.

⁵⁰ Гурий Комиссаров – краевед и просветитель / сост. Кондратьев А.А. Уфа, 1999. С. 350, 367.

⁵¹ См.: Васильев А.В. Просветительство и концепция просвещенного человека в чувашской литературе XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1988. С. 12; Артемьев Ю.М. XX ёмёр пусламăшёнчи чăваш литературы. С. 212.

- ⁵² *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. Изд. 2-е. Чебоксары, 2004. С. 46.
- ⁵³ Цит. по: *Артемов Ю.М.* Мятежный дух «чувашского Аввакума» // Известия НАНИ ЧР. 2000. № 1. С. 11.
- ⁵⁴ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 52.
- ⁵⁵ *Иванов В.П.* Чувашский этнос: проблемы истории и этнографии. Чебоксары, 1998. С. 100.
- ⁵⁶ Там же. С. 100, 298.
- ⁵⁷ *Мыльников А.С.* Типология национальных движений в Европе XIX–XX вв. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 133.
- ⁵⁸ *Петров Д.П.* Чувашия. М.; Л., 1926. С. 50.
- ⁵⁹ *Макаревский В.В.* Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904–1918). Чебоксары, 2008. С. 7–9.
- ⁶⁰ Устав кружка деятелей по образованию чуваш (Утвержден общим учредительным собранием, состоявшимся в г. Симбирске 1–2 августа 1906 г.). Казань, 1906. С. 3.
- ⁶¹ Очерки по истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 241.
- ⁶² См.: Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905–1907 годов: документы и материалы. Ульяновск, 1955. С. 60; Национальные движения в период первой революции: сб. документов из архива бывшего Департамента полиции / сост. И.Д. Кузнецов. Чебоксары, 1935. С. 290.
- ⁶³ Словаксен ёмёчё // Хыпар. 1906. 23 апр.; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 24–25; *Хресчен Василий Тимофеев.* Пёр-пёрёмёре пулăшса тăрар // Хыпар. 1906. 15 янв; Хыпар сĕнчен савăнса каласнипе чăвашене пысăк пуху тума кирли сĕнчен // Там же. 26 февр.
- ⁶⁴ *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 16.
- ⁶⁵ *Никифоров И.Н.* Зарождение чувашской революционно-демократической печати. Чебоксары, 1971. С. 107, 108, 110–111.
- ⁶⁶ *Гусаров Ю.В.* Первые парламентарии Чувашии (К.В. Лаврский, Я.А. Абрамов) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья. С. 224–225.
- ⁶⁷ *Гусаров Ю.В.* Общественно-политические деятели Чувашии начала XX века А.Ф. и П.А. Федоровы // Личность, общество, власть в истории Чувашии, XX век. Чебоксары, 2007. С. 13.
- ⁶⁸ Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4. С. 700.
- ⁶⁹ *Петров Д.П.* Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921. С. 23; *Его же.* Чувашия. С. 59.
- ⁷⁰ *Бахлов И.В., Напалкова И.Г.* Территориальная организация имперских систем и политические механизмы управления национальной периферией. Саранск, 2009. С. 138.

Оглавление

Введение	3
Социально-исторические условия как предпосылки развития чувашского национального движения	4
Просветительство как фактор формирования национального самосознания и идеологии чувашского народа	12
Этническая консолидация и общественно-политическая мобилизация начала XX столетия как движущие силы процесса национального самоопределения чувашей	26
Заключение	33
Литература, источники и примечания	35

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 9

Научное издание

КЛЕМЕНТЬЕВ Владимир Николаевич

**ИСТОКИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЧУВАШСКОГО НАРОДА
ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института гуманитарных наук
по итогам работы за 2012 г.

Литературный редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Оригинал-макет *Л.Н. Сапоговой*

Подписано к печати 31.01.2013. Формат 60 $\frac{1}{2}$ ×84 $\frac{1}{16}$
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура типа Times
Физ. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 2,06. Заказ № 3. Тираж 100 экз.

Отпечатано в РИО БНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»

428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1